

СЛУЖЕНЫЕ МУЗЫ И СУЕТА

ЗАМЕТКИ ОБ ОДНОМ ОБЛАСТНОМ ТЕАТРЕ

ИГРАЛИ Чехова. В старом русском городе Липецке в современном здании театра из стекла и бетона, в казенно-парадном зале, едва заполненном наполовину, играли чеховскую «Чайку». Зрители — в основном старшеклассники.

На сцене плакали и смеялись, любил и страдал. В зале стоял ровный гул, взрывааемый смехами, шиканьем. Конец первого действия, отчаянное признание Маши, на слезах, на нерве — в зале смех. А впереди, в пьесе, еще столько боли и беззастыдливости, и веры... Немислино! Было досадно за артистов, режиссера. Было больно за Чехова, за «Чайку» с ее беззащитной гениальностью.

Смотрю на лица в зале. Двое парней, причисли «под панков» — слушают! Девочка, глаза огромные — как села, подперев подбородок рукой, так и сидит, не шевельваясь. Пожилые супруги слушают, взявшись за руки. ... После спектакля были аплодисменты (потом замену и на других спектаклях — зрители здесь аплодируют артистам только стоя). На сцену поднимаются мальчик, благодарит, дарит томику Чехова. Пахомов говорит даже если десять человек уйдут после спектакля не «пустыми», с растроганной душой — мы делаем это не зря.

Владимир Михайлович Пахомов, главный режиссер Липецкого областного театра драмы («Чайка» — его постановка), перед спектаклем вышел на сцену. Возвзвывая голос, чтобы перекрыть шум, рассказав: театр играет «Чайку» после двухлетнего перерыва, с новыми исполнителями; сбор от спектакля пойдет в фонд чеховского Дома-музея в Мелихово; спектакль этот открывает «неделю Чехова», посвященную итогам долгой работы театра по приобре-

нию зрителей к чеховской драматургии. А потом началось представление, то самое, о котором я рассказывала вначале. Так что же, значит, этот гудящий зал — вот они, «итогит»? Но не будем спешить с выводами.

Здесь играют Чехова восемь лет. Играют бережно, проникновенно. Здесь Чехова изучают — несуетно, вдумчиво. За эти годы сделано всего два «больших» спектакля — «Чайка» и «Дядя Ваня», в репертуаре чеховские водевили, репетируются «Три сестры». А каждую весну липецкий театр приезжает в Мелихово и играет чеховские пьесы в саду, на берегу пруда, на террасе дома, где Чехов впервые читал друзьям свою «Чайку».

Все началось с «Чайки». Это было студийная работа молодых актеров и только что пришедшего главного режиссера. Показали спектакль лишь спустя два года, на гастролях в Жданово. И — успех! Потом уже стали играть «Чайку» дома, потом были «Дядя Ваня», и чеховские фестивали, и издательства, и поездки в Мелихово, и внимание критики. И — как итог — Государственная премия РСФСР за постановку «Дяди Вани».

Рассказав, как поставлен здесь Чехов, — сложно. Именно потому, что поставлен — ... про Чехов на нашей сцене был разным — лириком и скептиком, оптимистом и пессимистом. Человеческий, эмоциональный заряд его пьес, их одухотворенная простота то растворялись в мелочном правдоподобии, то подчинялись жестким концепциям. В липецких постановках хрестоматийным персонажам сочувствовали и верили, как, наверное, сочувствовали и верили

зрители первых мхатовских спектаклей. Когда актеры просто сидят на сцене, в «чеховских» костюмах, кажется, будешь смотреть старые фотографии и забываешь и о костюмах, и о гриме, видишь только их лица — лица российских интеллигентов. Нет, так не может быть, они же не играют! Это смех сквозь слезы, и эта радость без фальши, и этот горький юмор, когда, кажется, все кончено...

В. Пахомов: Мы ставим Чехова, потому что для нас, живущих в русской провинции, он и сегодня дает ответ на многие вопросы. У всех у нас внутренняя потребность в Чехове. Он — наш камертон. Мы слипнулись и выросли с Чеховым.

Для Липецкого театра общение с чеховским письмом имеет действительно не только художественное, театральное, но и этическое значение.

Пахомов приехал в Липецк десять лет назад. (После окончания ГИТИСа был «главным» в Одесском ТЮЗе, потом — в петрозаводском театре). Липецк не был традиционным «театральной» городом. Проблема зрителя стояла здесь особенно остро.

Можно было начать любыми путями заминая зрелища, разглагольствуя, что пороюще, полярно: ради успеха, сенсации — на один вечер, на один спектакль, на один сезон. Ради отчета, плана, финансового благополучия. Но был и другой путь, почти утопический — не изменяя искусству, попытаться «вырастить», воспитать в городе своего зрителя. И начать с детей. Решили: поскольку театр единственный в области, пусть он будет и детским театром, и

ТЮЗом, а спектакли для детей и подростков станут важнейшей частью репертуара. Их ставили и играли на самом высоком уровне профессионализма и самоотдачи. Лучшие сказки, произведения из «золотого фонда» детской литературы. В труппе были недовольные. Люди ухилились, не понимали, зачем «возрослому» театру эта обуза — зверошек играть?

В театре шло по 14—16 детских спектаклей в месяц. Уменьшили стоимость билетов — в итоге театр терял немалые деньги. Терял, приобретает...

Рано или поздно каждому приходится делать выбор — как жить: проще или сложнее. И в искусстве, и в жизни. Выбор этот определяет судьбу, репутацию, авторитет. У театра тоже, не только у человека. Следующей ступенью на пути липецкого театра к зрителю и к обретению собственного лица стала работа над Чеховым. Сегодня в его архиве около трех десятков названий. Но суть, смысл существования театра определяют детский репертуар и чеховские постановки.

В 1979 году липецкий театр впервые выступил в Москве с детским репертуаром. Эксперимент его был одобрен и поддержан. В 1980 году театр был удостоен премии Ленинского комсомола за работу с юным зрителем.

Сегодня уже можно судить о единственном пока в стране опыте липецкого театра, о его истинном масштабе и смысле. Сегодня действует отлаженная система взаимодействия Города и Театра, установившись (и пробующаясь новые) формы приобщения людей к театру. Они везде свои — в вузах города, на

Новолипецком металлургическом комбинате, в общежитиях. В школах, ПТУ ведутся театральные факультеты, занимающиеся студии, введен курс «Основы театральной культуры» (разработать его помог московский НИИ художественного воспитания АПН СССР). При театре существует педагогический актив: эту задачу — воспитание воспитателей — здесь считают наиглавнейшей.

Трудно было начинать. Знатоков было мало, зато теперь у театра везде есть настоящие друзья. Театр постепенно обрел целую армию поклонников, ставшая истинным, а не формальным центром общения. Днем, а не только вечером на спектакли, сюда идут и идут люди — художники, журналисты, дети, учителя...

В 1981 году театру, по просьбам коллектива, присвоено имя Льва Николаевича Толстого. И не только потому, что неподалеку, на известной каждому маленькой станции Астапово, скончался великий писатель. Театру близка идея просветительства, стремление к реальной деятельности по привлечению людей к искусству.

Все эти годы театр шел своим путем с редностью настоячивости. Были поиски и срывы, и снова поиски, и равнодушие, и редкие радости взаимопонимания, признания, успеха. Искусство «подъедает» душу медленно. И здесь не ждали скорых результатов. Постепенно театр был включен в жизнь города, стал «своим» для немалого числа его жителей. Пока еще — не для всех...

В ПОЛУМИЛЛИОННОМ городе работников театра — примерно пятьдесят человек. Им необходимо мужество. Не «правозащиты», не на премьеру — на каждый день. Кажется, ах, как кра-

сиво, играют себе Чехова — да это само по себе награда для артиста. Верно, но... Жизнь театра остается непростой. Особенно сложно с юношеской аудиторией, пример тому — та злополучная «Чайка». Сложно и с той каждодневной работой, которую проводит театр, — и много в виду постоянные, бесчисленные встречи всех его работников со зрителями. Идешь, когда тебя не ждут, когда толпятся: «Сыграйте сценки мы на пят!» Когда отмахиваются, не понимают: «Театр — это ваши проблемы!» А они ходят и ходят, рассказывают, приглашают в театр... Их жизнь — это подвиги человечество.

«Все началось с Пахомова», — эту фразу я слышала в Липецке не раз. Есть просто режиссеры — с талантом и фантазией, а есть — создатели, служители театр, живущие не интересами лишь конкретной, сегодняшней постановки, а интересами всего театра, его атмосферы, его перспективы, всеми его «земными» заботами. Что такое лидер в театре? Прежде всего — безусловный художественный и человеческий авторитет. Способность все решать самому и нести ответственность за свои решения. Пахомов все эти годы совмещает в одном лице должности директора и главного режиссера. Он и творческий руководитель, и хозяйственник, администратор, которому приходится ежедневно что-нибудь «куртася», доставать, требовать...

И он старается все выполнять, если обещал. Поступать так, как сам того требует от других. Иначе веры не будет. Он, прямо «по Станиславскому», искренне считает, что этика, внутренний нравственный климат в театре самым непосредственным образом влияют на художественный результат, а значит, и на доверие зрителей. Он хочет выработать в коллективе стойкий иммунитет против интриги, зависти, любого проявления преисполих. Он не терпит застоя: в Липецк постоянно приезжают работать режиссеры, драматур-

ги, сценаристы из Москвы. К нему тянутся люди. За ним приехали в Липецк актеры, с кем работал раньше. Едут и сейчас из других городов — «к Пахомову».

Ему неоднократно предлагали работу в других театрах, постановки за рубежом, поездки за границу. Отказывался: «Театр нельзя оставлять не то что на день — на час».

Задолго до того, как липецкий театр был официально введен в эксперимент, Пахомов в конце каждого сезона на общем собрании труппы устраивал переаттестацию — открыто обсуждал с актерами их вклад в жизнь коллектива и их реальные перспективы. В конце прошлого года были очередные переборы в худсовет. Формально Пахомов не подлежал переизбранию, но он предложил, чтобы обсуждали и его кандидатуру. И был избран единогласно — и как директор, и как «главный».

У Пахомова масса планов, замыслов. Городу нужны концертный зал, картинная галерея, необходимо помещение областному кукольному театру. А недалеко от Липецка сохранились усадьба, где три года летом отдыхал Станиславский, и ее бы сделать мемориалом, и устраивать там фестивали памяти великого театрального новатора...

Не станем заблуждаться. В липецком театре есть и свои конфликты, и сложности, и неудачи. Но театр — живой. Обязательный. Театр единомышленников, объединенных той самой «общей идеей», которую один из чеховских героев называл «богом живого человека».

...Последний день в Липецке. Воскресенье. Играли «Дядю Ваню». Перед спектаклем я еще раз обошла здание театра. Оно стоит на высоком холме, посреди красивой Театральной площади. К нему ведет лестница с широкими ступенями, в несколько «террас». По ней поднимаются люди...

М. МУРЗИНА.